

Объяснение попытки

“Квадратура круга” – сказано про перевод.

То есть решать-то можно – решить нельзя. Написанное иноземцем доступно в полной мере лишь его соплеменникам, обитающим в пространстве-времени родного иноземного языка. Удел прочих – приблизительность, всякий перевод – версия. У англичан Шекспир навеки один, а русских шекспиров может быть сколько угодно.

Таково дополнительное оправдание. Теперь – основное.

Больше чем полжизни назад я, не помышлявший тогда ни о каких переводах, вдруг увлекся испанским. “Вдруг” – потому что она возникла внезапно.

– Знакомься, – сказали мне, – молодая писательница. Из Барселоны.

– Ду ю лайк Ленингрэд? – находчиво сверкнул я.

– О! – с надлежащим восхищением сказала она.

И мы встретились глазами.

Забросил всё, нырнул в учебники. Друзья крутили пальцем у виска – не знали мотива. Понемногу стали возникать кастильские слова и фразы. Потом вдруг обнаружилось: могу ей что-то изъяснить на ее родном языке! (Хотя вообще-то родным был каталонский.) Она моим корявым бормотанием тщательно вос-

торгалась – в ней гармонировали сострадание и юмор. Для самоутверждения перевел два рассказика какого-то кубинского классика. Их напечатали. Я кичился.

Жил отрезками: от ее приезда в Союз – до следующего ее приезда. В один из них она привезла повесть Маркеса. «Хроника одной смерти...». Меня сразило. Я не выпускал книгу из рук. Дочитывал до конца и начинал с начала. Всё сошлось для меня тогда на этих страницах – язык, любовь, надежда, невозможность...

В очередной раз уезжая, она сказала:

– Может быть, переведешь?

В очередной раз оставаясь ждать ее, ответил:

– Завтра же и начну.

Оба шутили – ничего не знали заранее, и «смерть» была только словом.

А потом смерть вышла из кавычек... Слово обрело смысл: *никогда*.

Осталась «Хроника».

Я не мог не попытаться. Появлялись переводы: один, за ним – другой... Я принимал их к сведению и продолжал истязать себя собственным. Отчаивался, бросал, приступал снова. Наконец изнемог, посмеялся над собой и оставил вовсе.

А дальше как в романе: «Прошло тридцать лет». И начался рецидив.

Да простят эксперты и ревнители, ни на одного из русских маркесов не посягаю. Да простит подлинный и единственный – почему-то кажется, он бы понял. В любом случае одно произошло: я освободился. Кастильские слова уплывают из памяти.

Ничто не повторится *никогда*.

Михаил Мишин

*Сердечно благодарен
Юлии Борисовне Лариной
за терпеливую и талантливую помощь
в осуществлении этой попытки.*

ММ

ХРОНИКА ОДНОЙ
СМЕРТИ,
ОБЪЯВЛЕННОЙ
ЗАРАНЕЕ

*Любовная охота
подобна соколиной.*

Жил ВИСЕНТЕ

В тот день, когда его собирались убить, Сантьяго Насар поднялся в 5.30 утра, чтобы встретить пароход, на котором прибывал епископ. Ему снилось, что он шагает сквозь рощу фиговых деревьев под ласковым дождем, и какое-то мгновение во сне он был счастлив, однако проснулся с ощущением, будто с головы до ног обгажен птицами. “Ему всегда снились деревья”, – сказала мне Пласида Линеро, его мать, вспоминая двадцать семь лет спустя подробности того злосчастного понедельника. “Неделей раньше ему приснилось, что он летает в самолете из фольги, один среди миндальных деревьев, и веток не задевает”, – сказала она мне. У нее была заслуженная репутация прав-

дивой толковательницы чужих снов, – само собой, пересказывать их ей всегда следовало натошак, – и, тем не менее, она не распознала мрачного предвестья для собственного сына не только в этих двух сновидениях, но и в других снах с деревьями, о которых он говорил ей в дни, предшествовавшие его смерти.

Сантьяго Насар также не понял предзнаменования. Он спал мало и плохо, не снимая одежды, и проснулся с головной болью и привкусом меди во рту, но отнес это к нормальным последствиям свадебной гулянки, затянувшейся далеко за полночь. Больше того, многие из тех, кого он встретил, начиная с 6.05, когда вышел из дому, и до той минуты час спустя, когда его зарезали, точно поросенка, помнили, что выглядел он немного сонным, но пребывал в хорошем настроении и в разговоре с каждым заметил, между прочим, что день будет чудесный. Ни у кого не осталось уверенности, что он имел в виду погоду. Многие сходились в своих воспоминаниях на том, что утро было сияющее, что с моря сквозь банановые рощи летел легкий бриз, и такие мысли естественны, поскольку речь шла о порядочном феврале той эпохи. Но большинство утверждало, что день выдался пас-

мурный, небо покрывали темные и низкие тучи, воздух пропитался гнилостным запахом стоячей воды, а в момент, когда свершилось несчастье, накрапывал мелкий дождь, такой же, как тот, что видел Сантьяго Насар в приснившемся ему лесу. Сам я восстанавливал силы после свадебного загула в апостольском лоне Марии Алехандрины Сервантес и с трудом проснулся, когда ударили набатные колокола, решив, что звонят в честь епископа.

Сантьяго Насар надел белые полотняные брюки и рубашку, стиранные без крахмала, точь-в-точь как те, что надевал днем раньше, на свадьбу. То был его наряд для особых случаев. Если бы не визит епископа, он бы выбрал костюм цвета хаки и ботфорты – так он одевался по понедельникам, когда ездил верхом в Дивино Ростро, скотоводческую асьенду, которую унаследовал от своего отца и которой управлял с большим знанием дела, но без особого успеха. В горы он отправлялся, пристегнув к поясу “магнум-357”, армированные пули которого, по его словам, могли развалить надвое лошадь. Когда наступал сезон куропаток, он брал с собой еще и снаряжение для соколиной охоты. Помимо этого в шкафу он хранил винтовку “манлихер-шёнауэр-30.06”, ружье “холланд-магнум-300”,